На мгновение она забыла, как реагировать. В голове царил хаос, мозг словно превратился в кашу. Она никогда не слышала таких слов от Мо Е, да и не ожидала, что он их скажет. Казалось, что они снова вернулись в те времена, когда были в горах. Теперь он был Энтони, а не Мо Е. От Энтони это было бы неудивительно услышать, ведь он был яппи, а вот от Мо Е... Сердце непроизвольно забилось, когда он крепко обнял её. Его руки, казалось, были наполнены бесконечной силой, способной дать ей вечную поддержку, и она отчетливо слышала биение его сердца. Это были теплые и надежные объятия, по которым она когда-то скучала, но... Как она могла полюбить его после всего случившегося? Как она будет смотреть в глаза тем, кто погиб? Почему он тогда оставил ее? Ее снова оттолкнули, когда она решила полюбить его. Он никогда не стоял на ее месте и не думал о том, что его поступок может причинить ей боль. "Мо Е, ты действительно скучаешь по мне?" "Ты солгала!

Одиннадцать стиснула зубы и сдержала боль в сердце. "Отпустите меня!" - холодно сказала она. Ей не нравилось угрожать людям, но она безжалостно направила пистолет ему в живот и приказала отпустить. Она думала, что Мо Е отпустит ее, но он еще крепче обнял ее. "Нет!" - прозвучал свирепый и слегка раздраженный голос. Он спросил: "Одиннадцатая, а тебе не приходило в голову, что ты могла сделать неправильную ставку, когда стреляла в меня?" То, что произошло в прошлом, по-прежнему травмировало Одиннадцать, но... "Как бы я хотел убить тебя тогда. Если бы я это сделал, то всего этого не случилось бы, и я не оказался бы сейчас в такой ситуации. Мо Е, как ты мог..." "Это не я!" воскликнул Мо Е. Он обнял Элевен за плечи и посмотрел ей прямо в глаза. Он чувствовал себя взволнованным, обиженным и рассерженным из-за недоверия. "Это не я!"

"Не вы? Кто еще может отдавать приказы мафии? Почему вы отрицаете это после того, как сделали все это?" Выражение лица Одиннадцатой было холодным, а ее взгляд был полон ненависти. Мо Е смотрел на неё со смешанными чувствами. Он почувствовал горечь во рту. Действительно, он получил по заслугам. Он сам виноват в том, что не заслужил её доверия. Мо Е беззвучно вздохнул. "В чём ты меня обвиняешь? В утечке информации или в том, что я приказал мафии захватить ваши территории? Одиннадцать, я действительно не знаю, кто слил информацию. Что касается захвата территорий... Если мафия не предпримет никаких действий, то их захватят и торговцы оружием на Ближнем Востоке, и мафиозные группировки. Они были бы еще более жестокими, а последствия были бы теми же". "Значит, вы считаете, что были правы?" Одиннадцать усмехнулся и яростно посмотрел на него.

Мо Е почувствовал себя бессильным. Он не мог больше ничего сказать, так как она была уверена, что это сделал он. Вдруг его глаза загорелись, и он понял, что Одиннадцать пришла в себя. Так как Одиннадцать редко показывала себя в маске, Мо Е привык чувствовать её, а не узнавать по внешнему виду. В конце концов, маска была всего лишь подделкой под кожу. Поговорив немного, он вдруг понял, что на Элевен не было маски, и она не была худой, как дрова, как раньше. Ее лицо стало круглее, здоровее и красивее. Он был рад, что ее тело наконец-то восстановилось. Когда они были в горах полгода назад, она была худой, как грабли, но теперь она стала более пухлой. Он неудержимо радовался тому, что дал ничего не значащий ответ. "Одиннадцать, кажется, ты стала толще". И он сказал это с пустой улыбкой.

Одиннадцать уставилась на него, чувствуя себя разъяренной. Он не просто проигнорировал её вопрос, но и назвал её толстой? Она попыталась ударить его локтем в грудь, но Мо Е быстро увернулся. Они разошлись, и Элевен покраснела. Мо Е хихикнул. В свете лампы улыбка мужчины казалась безграничной любовью к ней. Он смотрел на нее так сосредоточенно, словно разглядывал сокровище. Такая забота была неотразима для каждой девушки. "Извините, я не должен был говорить, что вы толстая. Я должен был сказать, что сейчас ты выглядишь лучше". Мо Е тут же изменил свои слова, слегка улыбнувшись. Ему захотелось, чтобы время в этот момент остановилось, и он смог бы еще больше насладиться ее обществом.

Она была прямо перед ним, в пределах его досягаемости. Он был в восторге от этой мысли. "Заткнись. Никто об этом не говорит". Одиннадцать сжала кулаки. Взгляд Мо Е упал на ее пистолет. Он спокойно спросил: "Ты действительно хочешь меня убить?"

"Разве ты этого не заслуживаешь?" с усмешкой спросила Одиннадцать. Да, ей действительно хотелось его убить, особенно когда она услышала его слова о том, что остальные отберут территории, даже если они этого не сделают. Хотя она знала, что его слова - это факт, она не могла избавиться от злости и ненависти. Как он смеет говорить так прямолинейно, как будто ничего не произошло? Как он мог? Если бы он не слил информацию, войны бы вообще не было.

"Одиннадцать, моя мама была ранена. Она была в коме, и домработница рассказала нам об этом на случай, если с ней что-то случится. Я очень хотела пойти к вам сразу после пробуждения, но получила известие на следующий день. Я помчался к Вам вместе с Мо Цзюэ и думал, что смогу связаться с Вами после. Но мы прожили на острове три дня, и Бирмингем не смог с нами связаться. Когда мы вернулись, война между Высшей террористической организацией и Ближним Востоком уже закончилась. Мне было уже поздно что-либо предпринимать", - категорично заявил Мо Е. Он был настолько гордым человеком, что никогда ни с кем не объяснялся. Если другие ему не верили, это было нормально, потому что ему было всё равно, что о нём думают. Однако... Она была Одиннадцатью. Он никогда не мог игнорировать то, что она о нем думает!

Им просто не суждено было быть друг с другом. Он причинил ей слишком много боли. Он боялся, что еще одна ошибка навсегда вычеркнет его из ее жизни, и не хотел гоняться за ней по всему миру. По сравнению с тем, что потеряла Элевен, его гордость - ничто. Пока он мог не дать ей понять и возненавидеть его, все стоило того. Одиннадцатая была ошеломлена, она непонимающе смотрела на него. Мо Е был немного раздосадован. Почему она не верит его словам? Хотя он был раздосадован, он был очень беспомощен. Мо Е понял, каким он был придурком в прошлом. Он очень любил Мэн Ляньин и всегда уступал ей, но никогда не позволял ей так бросать вызов его выносливости. Единственная, кому он позволял делать все, что ей вздумается, была она. Только ей. В его глазах она могла делать все, что захочет. Даже если она хотела убить его. Каким бы злым и ненавистным он ни был, все будет хорошо, если она захочет с ним поговорить.

"Моя мать. Ты ее тоже знаешь".

http://tl.rulate.ru/book/13866/3168639